

ВОСПОМИНАНИЯ О Д. МИТИНО

Кунаев Леонид Константинович

Центром совхоза «Понинский» было село Понино. Вокруг него ютились малые и большие деревни: Митино, Кляпово, Чаново, Чульчопи, Бадзымшур, Артёнки, Чекали, Морозы, Коршевихино, Изошур, Кваляр, Полом, Ляпино, Ескино, Коршуново, Паслоково, Папогово, Баскобай, Гаврилёнки. Все они вошли в совхоз, а вначале это были маленькие колхозы. Деревня Митино входила в состав колхоза «Работник». Потом его переименовали в колхоз им. Сталина, последнее название «Луч». В деревне было 11 домов, но жителей было много, в каждом доме по 7-8 человек. Работали в колхозе дружно, весело. Каждую весну прудили плотину на реке. Возили навоз и землю на плотину, с каждого двора по 2-3 воза. Никто не спорил, потому что свет был нужен всем. На берегу была пилорама, тоже работавшая от электростанции.

Лошади были крупные, несколько лошадей было привезено с фронта, раненых. Лошадей должны были вылечить и отправить обратно на фронт, но война закончилась и лошади остались в деревне. Запомнился жеребец по кличке «Салют», тяжеловоз. Для него держали отдельную телегу, с железными колёсами. Грузили тонн пять и он вёз. Держали чернобурых лис, налог платили шкурами этих лис. Однажды лисы сделали подкоп и убежали. Мужики ездили за ними верхом на лошадях, сколько-то поймали, остальные разбежались. Пришлось звероферму закрыть.

В колхозе держали овец – 300 голов. Целое лето с 1 по 3 класс с мая по сентябрь я пастушил. Один раз волк унёс овцу прямо на наших с матерью глазах. Волков было много, видимо, все они убежали от войны в наши края.

1961 году был организован совхоз. Всех лошадей перевели в Понино и потихоньку всех уничтожили. Жеребца нашего конюх привёл обратно. Мы все встретили его на улице. Василий, конюх, стоял около нашего дома и плакал. Жеребец положил ему голову на плечо, из глаз его катились слёзы... Но, всё равно, жеребца увели, а через неделю зарезали. Под ним от тяжести провалился пол во дворе, сломалась нога.

Митинские мужики и бабы начали ходить на работу в Понино. Моя мать ходила на ферму, разнорабочей. В Митино она кормила овец. Я помню, в теплушке пекли хлеб для ягнят из ржаной муки с рубленой соломой. Этот хлеб мы ели. Он казался очень вкусным. С нетерпением ждали весну. Весной рты были у всех чёрными от лопухов. Ели лопухи, горькую редьку, болиголов. Ели всё, что можно было есть.

В совхозе после объединения появилось тысячи гектаров пахотной земли, которую надо было обрабатывать. Начали приезжать молодые специалисты, появилась техника, стали строиться дворы. На каникулах мы работали в совхозе, пололи кукурузу, подсолнух, лён. При Хрущёве начали сеять кукурузу квадратно-гнездовым способом, 70x70. На сеялках на барабанах была намотана проволока с култышками, она часто запутывалась. Её надо было распутывать и снова наматывать на барабан. Как только кукуруза давала всходы, её надо было полоть. Моему брату дали ружьё, чтобы он стрелял в ворон. Даже воронам нельзя было садиться на поле. В те времена пели частушку: «Кукуруза – это сало. Это сыр и колбаса». В магазинах появился кукурузный хлеб, очень вкусный, только быстро черствел, печенье и пряники. Народ, наконец-то, наелся досыта хлеба.

В школу пошёл в 1954 году. Мать купила калоши, блестящие, но большие. Поэтому сзади их продырявили и завязали верёвочками к ногам, чтобы не хлябали. Носков не было. Однажды учительница вызвала к доске, что-то я там ответил, а когда шёл обратно, шнурок развязался, и калоша упала с ноги и осталась сзади. Учительницу звали Коробейникова Раиса Сергеевна. Муж у неё работал в МТС главным инженером. С нами вместе училась их дочь. Каждый день в большой бутылке, наверное, в 2-х литровой, я носил им молоко. За это они подарили мне старый портфель. До этого я ходил с сумкой, сшитой из мешка. Портфель был с кармашками на пуговицах, очень красивый. В классе было 33 человека. И таких классов было 3: «А», «Б», «С». Ни в какой мороз учёба не отменялась. Просто мать укутывала лицо платком до глаз и отправляла в школу. В школе

учительница всех раздевала, а вечером снова одевала и отправляла домой. Никаких обедов не было. Просто был один длинный перерыв, во время которого ели кто что приносил. Обычно мать клала в сумку кусок хлеба и 2 картофелины. Школа топилась дровами. Было холодно. Во время перерыва вся печь была облеплена спинами детей. Во время уроков труда мы часто пилили и кололи дрова. Технички приходили в школу в 5 утра, надо было протопить печи. А если была метель, убрать снег. Занятия начинались в 8 часов. Но приходили пораньше, убирали снег. После окончания 8 классов я взял документы из школы, хотел куда-нибудь поступить учиться. Надо было получить специальность. Посылал документы в 2-3 училища, но набор уже был закончен. В конце июля снова пришёл в школу поступать в 9 класс, но директор Лукин Павел Прохорович, не принял, объяснив это тем, что классы уже заполнены и мест нет.

На трудодни в колхозе давали муку, поэтому хлеб мы пекли свой. Но, где-то к февралю мука кончалась и надо было хлеб покупать. В очередь за хлебом вставали в 4 ч. утра, при любой погоде стояли на улице. Сестра Лена училась в 5 классе, а я в 3-ем. И вот мы с ней пошли за хлебом. Деньги, 3 рубля дали ей, а она положила их в варежку. Пока стояли в очереди, она уснула и потеряла деньги. Смотрю, она плачет. «Я деньги потеряла», - говорит. И ведь нашлись деньги, какая-то женщина отдала, не знаю, наши это были деньги или её. Нас сразу пропустили вперёд. Народ был очень добрый. Часто потом ходил за хлебом один. Это было ещё до Хрущёва. Хлеб был ржаной, чёрный, прилипал к ножу. На 1 рубль приходило, примерно, 3,5 кг и вот его взвешивали и обязательно оставался довесок со спичечный коробок, который я съедал, пока шёл домой. Продавщица время от времени соскребала с ножа налипший хлеб другим ножом в ведро. Один раз я подсмотрел, там было уже полведра и я очень ей позавидовал, подумав, что всё это она унесёт домой. Один раз мы с сестрой грузили дрова на тракторную тележку, тележка утонула в болоте, колёс не видно. Пришлось всё выгрузить, вытолкать трактор и нагрузить тележку снова. Не помню в каком году, весной, мать послала на мельницу молоть рожь. В котомку насыпала ведро ржи и я пошёл напрямую, через лога. В логах уже была вода, и я провалился по пояс в холодную воду, всё зерно промочил. Но мельник зерно всё равно смолот и ещё откуда-то добавил чуть-чуть. Рядом с мельницей у него стоял домик, где он меня обогрел, накормил похлёбкой из муки. Домой отправил через с. Понино. Навстречу уже шла мать, испугалась, что меня долго нет. У неё было 15 копеек, она завела меня в столовую и накормила горячим супом, боялась, что заболею. Ничего, обошлось.

Началось освоение целинных земель. Молодёжь эшелонами начала уезжать на целину. Уезжали семьями. Многие остались жить там, вплоть до разрушения СССР. Жил народ там дружно. Мой брат, Володя, ездил в Актюбинскую область и рассказывал, что русские, казахи, армяне, люди разных национальностей жили как братья, ели из одного котла. Всю жизнь Володя гордился тем, что его лично поблагодарила за хорошую работу министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Мой родственник из д. Чеколи, Феликс, остался жить там, потом туда же уехали его родители.

В школу после 9 класса обратно меня не приняли. Пошёл работать на первую ферму. На конце села стоял курятник, направили меня туда. Дали лошадь по кличке Жулик. Жулик это и был. Запрягали мы его с конюхом вдвоём. Один из нас держал его оглоблей прижатым в какой-нибудь угол, другой надевал узду. Иначе поймать было его невозможно. Но, зато потом, когда запряжёшь, не трогается с места нипочём. Били мы его вдвоём с конюхом, а он только пятился. И это до тех пор, пока ему не покажешь алюминиевую проволоку, привязанную к палке вместо кнута. Только после этого он шагом выходил со двора. Но, если в течение дня случалось проезжать мимо конного двора, всё повторялось. Он головой поворачивал на конный двор, и невозможно было его повернуть. В 6 часов конюх уже не приходил на двор, у него была куриная слепота. Так я проработал около месяца. Однажды старший брат, Вячеслав, говорит: «Надо получать хоть какую-то специальность. Давай, добирайся до Глазова, подавай документы в училище механизации, может, примут». Автобусы тогда ещё не ходили, на попутных добрался до города. Училище располагалось на площади Свободы. В училище меня

приняли, до сих пор ругаю себя, зачем я туда пошёл. Квартиру велели искать самому. И вот стою около моста, подходит ко мне знакомый парень из Понино, Чупин Владимир Андреевич, он тогда учился заочно в пединституте и работал на ЧМЗ. Он пригласил меня на свою квартиру, по адресу: Береговая, 22, это около магазина «Снежок», сразу за речкой, справа первый дом. Этот домик и сейчас стоит. Жила в доме бабушка лет 80. Договорились, что приеду после Октябрьских праздников, учёба в училище начиналась после праздников. Дома продолжил работать в совхозе, а после праздников собрал вещи и еле-еле добрался до Глазова. Асфальта до Глазова ещё не было, дорога вся разбита, весной и осенью она закрывалась, ходили только спецмашины: скорая, бензовозы, пожарная. Из дома я вышел в обед, а в Глазов добрался, уже было темно. Пошёл по улице Кирова в кирзовых сапогах, в фуфайке, какая-то шапка на голове, другой одежды не было. Добрался до дома, где собирался жить, в окнах темно. На дверях висит замок. Что делать? Где переночевать? Через дорогу стоял магазин. Зашёл туда. Спросил у мужиков, пьющих пиво, куда подевалась бабушка. Они вспомнили, что дня 3-4 назад её похоронили.

Всё. У меня сердце упало. В Глазове родственников нет. Идти обратно домой, пешком? Темно, а у меня в кармане нет даже спичек. В то время я ещё не курил. Делать нечего, надо идти на вокзал. И вот снова иду я по улице Кирова, ноги скользят по льду, все на меня смотрят, что это за мужик в сапогах, фуфайке. Дошёл до ГУМа, слышу, кто-то зовёт меня по имени. Это Володя Чупин идёт к себе на квартиру и не знает, как ему одному переночевать, боится. Он, ну и я очень обрадовались встрече, вернулись обратно. В доме, после похорон, все зеркала занавешены, страшно. Володя собирался уже съезжать с квартиры, да меня встретил и остался.

И началась моя учёба в СПТУ №4. К 8 часам утра я бежал в столовую на завтрак, столовая была рядом с училищем. Километра 3 по улице Кирова пробегал минут за 30-40. Кормили 3 раза в день, как на убой, одевали и ещё давали стипендию. Кто учился от колхоза -10 рублей, от совхоза – 20 рублей. Обмундирование было такое: сапоги кирзовые, валенки 30 размер. Фуфайка, шапка, фуражка, костюм хлопчатобумажный, кальсоны и рубашка белая без воротника. Только одну группу, целинную, одевали в бушлаты. В ней в основном были девушки. При мне они уехали на целину. Их отправили строем на вокзал. Провожало их всё училище.

Володя работал на заводе посменно, иногда ночью. В эти ночи я свет не выключал, боялся. Через месяц Володя внезапно заболел, пришлось вызывать скорую. К телефону побежал на железную дорогу, около улицы Глинки, там тогда стояла будка с охранником. Через полчаса приехала «Скорая помощь», приехали женщина-врач и водитель. Очень удивились, как мы живём в таком холодном доме. Печь мы не топили неделями, изо рта шёл пар. Володя лежал в пальто под одеялом. Его забрали в больницу, а я его сопровождал. Занесли его в больницу, а меня отправили домой. Я вышел из больницы и заблудился. Совершенно не знаю, куда идти, и спросить некого, темно, на улице никого нет. Иду в одну сторону - забор, иду в другую - забор. Вдруг вижу, ко мне направляются 2 автоматчика. Задержали, допросили и вывели на улицу. Оказывается, это была нынешняя «семиэтажка», тогда она охранялась и относилась к ЧМЗ.

Остался я один в квартире, без прописки. Не помню, сколько я там ещё прожил, только однажды вечером зашли два милиционера с проверкой документов. Прописки у меня не было, и велели мне освободить помещение в ближайшее время. Надо было искать квартиру.

Утром пришёл в училище и мне повезло. В училище пришла бабушка искать квартирантов. Ей нужны были 4 человека. Она держала корову, и квартиранты должны были кормить, поить корову и убирать двор. Двое ребят были с Кезского района, один – с Ярского и я, с Глазовского. Постепенно жизнь начала налаживаться. В группе меня выбрали проформом. Каждый месяц собирал взносы по 5 копеек с человека и сдавал в профком. В мои обязанности входило водить ребят на разные культурные мероприятия, на концерты, в кино. Один раз привёл ребят на концерт в РДК. Выступали студенты пединститута со своим оркестром. Мне оркестр понравился, захотелось познакомиться с

ребятами. К нам в училище приходил баянист Самсонов, он руководил хором. В то время каждое училище имело свой хор. У меня, видимо, был красивый голос, он со мной немного позанимался и велел прийти в РДК. Несколько вечеров он со мной позанимался и сказал: «Тебе надо учиться дальше петь, если не будешь петь, голос пропадёт». Я стал солистом хора в училище. Через полгода меня отправили на смотр в город Ижевск. Пальто у меня ещё не было, денег нет, поэтому пальто и ботинки взял у парня из группы. Вдвоём с Самсоновым мы съездили в Ижевск, пел я во дворце Машиностроителей. Потом я ещё раза четыре ездил на смотры в Ижевск и Киров. Начал я ходить по вечерам в РДК, занимался в художественной самодеятельности. Меня познакомили со студентами музфака, я начал петь с ними. Часто репетировали в общежитии, в старом здании по улице Революции. Летом, по вечерам, нас стали приглашать петь на танцы в парк. Аккомпанировал оркестр. После танцев нам выплачивали зарплату, обычно 5 рублей.

Я старался накопить деньги на костюм и пальто. Староста группы, Ожгихин Борис, он был из Пудема, часто находил халтурку. Выгружали вагоны. Обычно собирались втроём или вчетвером. Легче всего выгружать каменный уголь. В четырёх местах пол у вагона открывается, откроешь люк, уголь вывалится почти весь, оставшееся лопатой перекидаешь и всё. Вагон отвозят, бульдозер сталкивает уголь в кучу. Нам остаётся убрать его с рельс. Вагон выгружали за 1-1,5 часа. Один раз попался вагон с арбузами. Обрадовались, что выгрузим быстро и наедемся. Не тут-то было, оказывается, его надо выгружать сверху. Крыши у вагона нет. Подъезжает машина, привозит бочку и лоток. В бочку наливаем воду и по лотку скатываем арбузы в бочку с водой, а потом в машину. Работы хватило на целый день, но зато наелись арбузов. Специально роняли на землю, лопнувшие арбузы можно было есть.

На втором году обучения купил пальто, на костюм ещё не хватало. Домой наведывался примерно раз в месяц, либо пешком, либо на попутке. В субботу занимались до 7 часов, зимой темнеет рано, а надо идти домой. Один раз пошёл, где-то бегом, где-то шагом. Светила яркая луна, видно было как днём. Около одиннадцати часов подхожу к кладбищу и вижу, на дороге что-то чернеет и шевелится. У меня мурашки по спине. Стою и не знаю, что делать. Налево идти – кладбище, направо – снег по пояс, обратно идти не хочется. А до дома так близко... Пошёл вперёд, засвистел, не уходит. Правду говорят: «У страха глаза велики». Два снопа льна валялись на дороге, ветер их шевелил, и казалось, что лежит кто-то живой. Ночь переночевал дома, на второй день, в воскресенье, вышел из дома около обеда, в 6 часов был в Глазове. После этого случая домой ночью не ходил.

По вечерам ходил в РДК, пел, репетировал новые песни. Появилось много знакомых. Директор РДК, Боталова Роза Александровна, дала мне ключ от чёрного входа на всякий случай. Этим ключом я вскоре воспользовался. Приехал из Ижевска поздно, около 10 часов, на квартиру идти поздно, хозяйка рано закрывалась. Пришлось зайти в РДК и переночевать. Только недавно узнал, что в этом доме, проездом через Глазов, останавливался царь Александр III.

Память была хорошая, песен знал много. Часто выступал в РДК после различных совещаний. Ещё во время учёбы в школе нашёл у брата Толи поэму В. Маяковского «В.И. Ленин». Мне очень понравились рифмы, поэму выучил наизусть. Учился тогда в 4 классе. В сельской библиотеке взял стихи Некрасова, Лермонтова, Маяковского, читал их запоем. До сих пор помню наизусть много стихотворений, отрывки из поэм. Есенин тогда был запрещённый поэт, его начал уже читать после школы. Знаю наизусть несколько его стихотворений, отрывки из поэмы «Анна Снегина». Недавно захотелось почитать поэму «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Спрашиваю у старшеклассников, никто не знает этой поэмы и даже Некрасова не знают.

Хозяйку нашу, где я жил, звали Кропачева Екатерина Григорьевна. Жила она одна, муж пропал на войне без вести, детей не успели завести. Она долго его ждала, вдруг появится, такие случаи бывали. Но не дождалась и замуж уже не вышла. Держала она корову и для ухода за ней держала квартирантов. Мы корову кормили, поили, чистили двор, заготовливали сено на берегу Чепцы. Сенокосный участок у неё был на правом

берегу Чепцы, где сейчас парк. Тогда там не было ни одного дерева. Участок в 2 га мы вчетвером выкашивали за 2 дня вручную. Потом сгребали, где-то Григорьевна находила машину, и сено перевозили к дому. В этот месяц хозяйка не брала с нас денег за квартиру. Осенью надо было резать телёнка. Мы, молодёжь, не умели резать, мы же были ещё дети, девятиклассники. Один из нас с Кезского района был уже после армии, вот он и резал, а мы держали, отвернувшись в сторону.

Жил я по улице Толстого, 23, в полуподвальном помещении. Дом был двухэтажный, низ кирпичный, второй этаж деревянный. Вся улица Толстого была деревянная. Дом стоял на перекрёстке с улицей К. Маркса. За водой ходили метров за сто, на колонку.

Прошло почти 2 года, подходила к концу учёба, и я уже мечтал о работе дома. Директор РДК Роза Александровна сказала мне, что есть направление на учёбу в театральное училище в Тольятти. Я согласился. До конца учёбы оставался месяц. От учёбы в Тольятти я отказался, объяснив это тем, что надо отработать в совхозе 2 года. Я же был совхозный стипендиат. И вот получил документы, права.

Утром в 5 часов я вышел на дорогу в Понино. В одной руке был чемодан, в другой – матрац. Была весна и опять был разлив. От хутора до стрельбища перевозили на лодке за 15 копеек. Остальную дорогу прошёл пешком. К обеду был уже дома.

Два дня отдохнул и пошёл в мастерские устраиваться на работу. Заведующий мастерскими, Баженов Николай Николаевич, назначил меня мойщиком деталей тракторов. Работа была тяжёлая и грязная. Надо было нарубить зубилом и кувалдой каустическую соду, заправить в котёл с водой, разжечь форсунку и нагреть воду. Пока вода нагревалась, втроём надо разобрать трактор на узлы, потом разобрать двигатель по частям, задний мост и коробку передач. Всё это постепенно складывали в бак с горячей водой и содой, и я мыл. Так работал месяц, пока на кончиках пальцев не появились раны. Пальцы разъело каустикой. Кузнец, Рогозин Михаил Алексеевич, выходил на пенсию, а сменить его было некому. Меня поставили к нему молотобойцем. С ним я проработал 4 месяца. Потом пришёл новый кузнец, Баженов Михаил Ильич. Мне дали трактор ДТ-20, старенький, одноцилиндровый. На нём я проработал 2 года. Однажды на поле, где я работал, приехал главный инженер, Главатских Николай Павлович и велел трактор гнать в мастерскую, его надо списывать. Я возмутился: «Трактор исправный, работает, зачем его списывать». В те годы была инструкция, по которой после 9 лет эксплуатации технику списывали и получали новую. Мне привезли такой же ДТ-20, новый. Потом был МТЗ-50, ДТ-75, новый комбайн и 10 лет проработал кузнецом. Всего проработал в совхозе 42 года. Мы все строили и создавали совхоз. При мне появились новые дворы в Синпале, новые жилые дома, асфальтированная дорога до Глазова. С зарплаты каждого рабочего оставляли копеек 50, надо было покупать технику, запчасти, ГСМ. Нам обещали при выходе на пенсию каждому вручить пай. Началась перестройка и такой богатый совхоз сумели обанкротить. В совхозе было 130 тракторов, 85 автомашин, 28 зерноуборочных комбайнов, а сколько было прицепной техники, никто уже не сосчитает. Всё было продано, продано не теми, кто строил, а теми, кто разрушил совхоз.

За последние 20 лет в Понино не построено ни одного жилого дома. Дома, которые строил совхоз, рушатся. Построили хоккейную коробку на горе, где нет воды и заливать лёд нечем, и тротуары деревянные сделали в том месте, где нет ни одного жилого дома.

Последним председателем сельсовета был Васильев Яков Яковлевич. С ним мы подняли улицу «Новую». Это была самая грязная улица, по ней нельзя было ходить ни пешком, ни на какой-нибудь технике. Яков Яковлевич валил лес под кладбищем, мы его вывозили и гатили им дорогу. Подняли её примерно на 1 метр брёвнами. Потом уже вывозили туда битые кирпичи и гравий. А потом и асфальт. Посмотрите, во что превратился пруд в центре Понино. А его тоже делал Яков Яковлевич. По краю дороги мы посадили берёзки, остальные деревья выросли сами по себе и никто их теперь не рубит. Раньше мы всегда очищали берега рек от мусора. У нас в деревне почти на каждом столбе горел свет, сейчас ни на одном не горит. В деревне стоял добротный двухквартирный дом.

Заставили его разобрать. 2-3 семьи его моментально разобрали. Теперь бабушки ждут автолавку под дождём и снегом. Некуда зайти погреться.

Вся моя семья работала в совхозе, мать работала разнорабочей, брат Вячеслав на откорме скота, Володя – комбайнером. Толя работал директором совхоза, Лена – воспитателем в детском саду, я – трактористом, комбайнёром, кузнецом. Все вышли на пенсию из совхоза. Нет уже в живых ни матери, ни братьев. Всё здоровье отдали совхозу и ничего оттуда не получили.

Через 2 или 3 года после того, как я поступил на работу, был районный пикник на берегу Чепцы в Качкашурской стороне. Там я пел на сцене. Две машины поставили задними бортами, вот тебе и сцена. Как сейчас помню, пою песню «Вот не везёт».

Много хотелось рассказать о земле, на которой мы живём. Горько видеть заброшенные поля. За Бадзымшуром уже лес вырос, из берёз можно делать оглобли. Земля должна рожать, а её не обрабатывают, не засевают, и она зарастает сорняком. Посмотрите на поля в сторону Полдарая, растёт один сорняк. Фермер никогда не накормит страну, у него свои интересы. Мать рассказывала, во время войны все земли вокруг Митино распахивались. Пахали на лошадях, пахали женщины. А сейчас на тракторах не могут вспахать.

Я лишился руки. В Ижевске во время операции чуть не умер. Видимо, много дали наркоза. Пульса не было минуты полторы. Очнулся, врачи трясли меня за плечо и делали укол. Никакой трубы на том свете я не видел. Видел очень светлую комнату и людей в шахматных одеждах. Все они ходили с какими-то колбами и пробирками. Я видел себя сидящим за столом, в белой одежде. Потом меня разбудили. Это было мне предупреждение. С тех пор я бросил пить и курить.

Фронтвики

Я родился после войны, в 1948 году, поэтому фронтвиков знаю только тех, кто вернулся с войны. В Митино их было пятеро.

Кунаев Сергей Степанович, пришёл с войны в 1943 году, пуля задела лёгкое. Рассказывать о войне не любил. Работал бригадиром в колхозе. Его брат, Веня, погиб 9 мая 1945 года в Берлине.

Присмотров Александр Николаевич, сосед. Этот любил рассказывать, особенно когда пьяный. Попали они в окружение, еле выбрались вчетвером к партизанам в Белоруссии. В 1944 году был уже в действующих войсках, получил ранение в обе ноги. В 1945 году приехал домой. В огороде под черёмухой долго валялся гипс с его ноги.

Елсуков Михаил, отчества не помню, всю войну был в плену, как выпьет, так плакал. Они с Александром были друзья, пока трезвые. Ну, а если выпьют, так начиналось. «Ты не воевал, ты в плену был». «Меня били, шомполами били». Слово за слово, и начиналась драка. Мы, пацаны, любили смотреть, как дерутся два взрослых мужика. Обычно Елсуков уходил домой и приходил с гирькой с привязанной к ней проволокой. Подойдёт к воротам, как даст гирькой, доска сломана. Александр выходил с кошкой, которую кидал Мише в лицо. Кошка сразу впивалась когтями в лицо Михаилу. Миша уходил домой, матерясь. Наутро они снова были друзьями, вместе шли на работу. Работали они в совхозе на стройке, строили дворы.

Кунаев Алексей Антонович пришёл с войны тяжело больным. Думали, умрёт, пролежал дома около месяца и тихонько ожил. Оказывается, он попал в плен, его отправили в Германию и отдали какому-то бюргеру. Он работал у него на ферме. Кормил скот, высаживал и копал картошку на лошади. Жил неплохо, немец ни разу его не ударил. Хотел уже женить его на батрачке, тоже русской, но пришли американцы и освободили Алексея. Посадили его в тюрьму, били, держали впроголодь, потом всё-таки освободили. Когда по улице гнали скотину, он всегда гнал с окриком «Шнель!». Мы спрашивали, зачем он так говорит. Он отвечал: «Нас немцы гнали так в Германию и били».

Агафонов Николай Андреевич, десантник. Его забрасывали в тыл врага. Хорошо играл на трофейном аккордеоне. У него было большое сердце. Стоговал сено в колхозе. От

тяжёлой работы его освобождали. Я на конных граблях грёб сено. Мне было лет 5 или 6. На сиденье впереди, чтоб не упасть, имелась защёлка, а я не закрыл. Лошадь внезапно остановилась, наверно, из-за паутов, я вылетел под грабли, а лошадь снова пошла. Прямо надо мной зубья граблей поднялись, перешагнули меня и опустились резко на землю, буквально в 15-20 см от меня. Лошадь остановилась. Бабы прибежали, кричат, испугались. Николай Андреевич, пожалев, отправил меня домой. В совхозе он работать не стал, сказав, что болен. Ему не поверили, заставили работать на стройке. Однажды пришёл с работы, лёг на пол и умер. Сердце не выдержало.

Из деревни Кляпово знал двоих фронтовиков, Мишу и Илью. У обоих не было по одной ноге, у одного левой, у другого правой. Они покупали пару сапог на двоих, потом их «обмывали». В обнимку ходили по улице, пели песни. Потом сапоги прятали и ходили с деревянным протезом. Работали они на пилораме, пилили лес. Инвалидной группы у них не было, группу тогда не давали. Ходить можешь, значит, можешь работать. Я сам группу получал 5 лет. Каждый год ездил на медосвидетельствование. Обрубок руки измеряют линейкой, а вдруг рука выросла. После 5 лет дали пожизненную 3 группу. Это рабочая группа, я должен работать. В деревне надо и дров наколоть, и огород вскопать, и сено накосить и много чего. Пока научишься, несколько раз пот со слезами прольёшь. Вся рука была в синяках, не заживала.

Надо спешить делать добро. Жизнь короткая. Отец умер в 45 лет, мне было всего 5 лет. Мать одна вырастила нас, семерых детей. Я первую конфету съел лет в 10. Даже на Новый год нам детям дарили по горсти семечек подсолнечных. И всё. Ходили мы с младшей сестрой, Надей собирать фантики в Понино. Приносили домой и раскладывали на полу, гадая, которая слаще. Поэтому я до сих пор, а мне уже 63 года, равнодушен к конфетам. В детстве не наелся.

Сейчас у меня двое взрослых детей и трое внуков. Они получили хорошее образование. Часто навещают меня. Я горжусь ими.

Вы – участники войны,
Вы - защитники Отчизны –
Русской матушки - земли.

Ваша жизнь как была бита,
Бедой- горем перебита.
Сколько вас, страдальцев, было
Искалечено войной,
Если жив пришел домой.

Вас хлестал дождь из металла,
Бил он слева, бил он справа,
Град металла шёл с небес.

Солдат пал, уже не идёт:
Он лежит на поле брани,
Кровоточат его раны.

У кого нету руки,
У кого нету ноги,
Солдат просит: «Помоги,
до санбата донеси».
Я бы рад тебе помочь,
Сам во льду примёрз – не в мочь.

В чистом поле после боя
Солдат молоденький лежал,
Криком небо раздирал,
Родную мать на помощь звал:
«Мама, родная, приди,
Мои раны погляди».

Кто уж кровью истекал,
Мать родную вспоминал,
Деток, жёнушку свою,
Да родную сторону.

Долги месяцы санбата,
Трудно вам жилось, ребята,
Но вы жили – не тужили,
Свои семьи заводили.

Что за цель у вас была?
Ваша цель была одна:
Чтобы родина родная
Ещё краше расцвела.

Стройки шли, поля пахали,
Руду, уголь добывали.
Ваша доблесть и отвага
Всем присущая была.

Мало кто вас замечал,
Вас бы всех на пьедестал,
Чтобы чтили вас героев
Русской матушки- земли.

Чтоб на вашем на надгробье
Красовались две звезды:
За Советский за Союз,
За великую за Русь.
Слава вам и вечна память,
Русской матушки сыны!

Друга просит пристрелить,
Домой маме сообщить,
Как растались мы с тобой,
Пусть не ждет меня домой.

Концерт

Мне было лет 5 или 6, когда митинская молодёжь собралась и показала концерт женщинам. Совсем недолго мы репетировали, да и когда было репетировать, собирались только по вечерам, после работы, уставшие. Репетировали без баяна, без гармошки. Хором пели какую-то песню про Сталина и ещё несколько песен и стихотворений. Концерт показывали в теплушке, где грели воду овцам и лошадям. За печкой передевались. Очень хорошо принимали нас женщины, у многих не вернулись с фронта мужья. Особенно им понравился номер про фашистов. Двое взрослых парней передевались в фашистов. На голову надевали лопнувшие чугунки, на одной ноге, на костылях, с перевязанными руками и лицами. Не помню, какое стихотворение они читали, помню, в нём были слова «по тысяче рублей нам обещали», а потом диктор читал: «Но тут раздался выстрел, упали два фашиста и сели отдохнуть они навеки». В это время я хлопал доской по полу и получался натуральный выстрел. Что стало с женщинами. Они плакали, смеялись, бежали обнимать и целовать всех «артистов». Меня хохотушка Мотя вынесла на руках на улицу и ни за что не отпускала. Ещё долго об этом концерте вспоминали в деревне.

После посева или уборочной страды митинские женщины делали брагу в каком-нибудь доме и один раз в год веселились. В тот год, когда мне было лет пять или шесть, «пирушку» устроили у нас. Мы, маленькие дети, лежали на полатах и наблюдали за взрослыми. После нескольких стаканов браги они начали петь и плясать. Особенно громко пела и плясала Присмотрова Пелагея, отчества не помню. Частушки, в основном, были про Гитлера. Не знаю, сами они их придумали или кто их научил. Некоторые из них я помню до сих пор:

Гитлер баню продает,
Гитлериха не дает,
Гитлерята верещат,
Баню под гору тащат.

Сидит Гитлер на заборе,
Плетёт лапти языком
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

Я, пятилетний, задумывался, как это он сидит на заборе и ещё лапти плетёт языком и не падает. А потом доходило: так ведь руками-то он держится. Вот и не падает.

Во время войны появились в деревне эвакуированные. У нас тоже поселился батюшка со служанкой. Батюшка был опухший от голода. Они прожили у нас около года, когда батюшка умер. У него было несколько толстых книг и большой крест на шее. Мы не знали, как его зовут, служанка звала «Отче». После его смерти служанка взяла его книги, крест, побросала всё в котомку и куда-то скрылась. Больше её не видели. На следующий день бабы повезли батюшку хоронить, но к вечеру привезли обратно. Моя бабушка не разрешила заносить покойника в дом, покойника обратно не приносят. Тогда его закрыли в колхозный склад. Оказывается, женщины, обессиленные от голода, не смогли выкопать могилу, земля была очень стылая. Хоронили его на второй день. Точное место могилы никто не знает. Мать мне говорила, что похоронили в пятнадцати шагах направо от ворот вдоль забора. Кто знает, какие шаги были у голодных женщин и откуда считать, с середины ворот или от столба.

В детстве мы водили лошадей в ночное. Были среди них несколько лошадей с фронта. Одна из них была кобыла по кличке Доля. Вся она была в зарубцевавшихся шрамах. Жеребёнок от неё не отходил. Эта лошадь была совсем ручной. В поле мы не могли сесть на неё верхом, и она понимала. Она наклоняла морду к земле, и мы по одному,

а иногда и по двое садились ей на шею. Она поднимала голову, и мы уже у ней на спине. Она катала нас сначала шагом, потом рысью, но никогда не неслась вскачь, словно чувствовала, что мы упадём. Только взрослые парни ездили на ней вскачь. Если жеребёнок начинал сосать молоко, кто-нибудь из нас пристраивался рядом с ним и доил молоко со второго соска в туесок. Лошадь спокойно стояла. Мы ползали под ней и сзади, и ни разу она нас не лягнула. Когда образовался совхоз, её тоже увели в Понино, а через некоторое время зарезали. Мужики ездили зимой валить лес, надо было мясо. Елсуков Миша, фронтовик, рассказывал о том, как резали лошадь и плакал. Была лошадь и не стало.

Наши соседи, Игнатий и Евдокия, были одинокими людьми. У них не было детей, поэтому они часто приходили к нам. Видимо, пенсию они не получали, потому что Игнатий ходил на работу в совхоз, хотя ему уже было лет 70. Евдокия не могла работать, сидела дома. Игнатий всегда был весёлый, любил шутить. Помню однажды шёл на работу и вернулся с полдороги, на вопрос, зачем вернулся, отвечал: «Жену забыл поцеловать». Был он хорошим столяром, делал телеги, сани, гнул дуги. Умер он внезапно. Сегодня был ещё весёлым, шутил, а послезавтра его уже похоронили. Евдокия осталась одна. С раннего утра приходила к нам, уже в сених напевая услышанную по радио песню: «На зарядку, на зарядку, на зарядку становись!» Она была нам как своя, мы её кормили, одевали, водили в баню. Не знаю, кто решил отправить её в дом престарелых. Очень она не хотела туда ехать, да и мы не отдавали, она плакала, но всё равно её погрузили в машину и увезли. Буквально через неделю её привезли обратно хоронить. Евдокия умерла от тоски по родным знакомым людям. Похоронила её наша семья, родных и близких у неё не было.

Хохлушка Матрёна, Мотя любила рассказывать про свои сны. С утра приходила к нам. Уже в ограде был слышен её голос: «Анисья, ты дома?» и не дожидаясь ответа, заходила домой. Сны все у неё были о боге, а я был пионером, поэтому их не слушал. Мотю привезли в Митино с Кубани. Она была кубанская казачка. Привёз её Агафонов Митя, он там воевал. Умирать она уехала на родину.

Дед Агафонова Мити, по имени Агафон, первый поселился здесь. Деревня раньше называлась Агафоновка.

В деревне жил «местный предприниматель» Данилов Данил Иванович. Имел свою хлебопекарню, пек сушки, хлеб, возил хлеб в с. Понино. Селян, желающих заработать, он привлекал на работу, не обижал, не принуждал. Во время революции его раскулачили и отправили в ссылку, в Архангельскую область. В 30-е годы Данил Иванович написал письмо моему отцу, тогда председателю колхоза, интересовался, что осталось от его пекарни. Но уже тогда пекарня была разобрана. На этом месте и сегодня стоит наш дом.

В огороде был колодец. Немой Володя, был у нас в деревне такой, зачерпнул воды из колодца ведром. В ведре был ребёнок. Какая-то батрачка родила и утопила ребёнка. Колодец засыпали. Жена немого Володи, Присмотрова Пелагея, рассказывала, что в молодости сватал её цыган, приезжал несколько раз на тройке лошадей с бароном. Пелагея отказала. Цыган упал в сани и уехал. Больше не приезжал. Годы шли, и Пелагея вышла замуж за немого, чем оставаться одной. В двадцатых годах родила мальчика. Но во время голода увезла его в Глазов и оставила на вокзале. Оставила потому, что нечем было кормить. Родила потом ещё двоих, Бориса и Валентина. Борис уже умер, Валентин живёт в Понино. Перед смертью Пелагея часто вспоминала своего первого сына, надеялась, что кто-то его подобрал.

У старушки слёзы на глазах,
Вспоминает жизнь свою она,
Может, нелегко тогда жилось,
Но сейчас и вовсе тяжело.

Не грусти, старушка, подожди,
Может, всё наладится кругом,
Может, образумится народ,
И с улыбкой глянешь на людей,
Что по-волчьи перестали жить...

Отработала всю жизнь в лесу,
Но не знала жизни веселей,

А сейчас полно всего кругом,
Но тоска всё гложет душу ей.

Моя бабушка

Мою бабушку со стороны отца звали Кунаева Елизавета Ильинична. Родом она была из деревни Чаново, вышла замуж за Кунаева Степана из деревни Кляпово. У них родились дети: дочь Анна, сыновья Кирилл и Константин. Остальных я не знаю. Константин был моим отцом. Бабушка Лиза с двухклассным образованием церковно-приходской школы была самым грамотным человеком в деревне Кляпово. Здесь она открыла магазин. Товар привозили купцы из Глазова. У бабушки была лошадь. Во время пасхи по приглашению священника из села Понино она объезжала вокруг церкви на лошади, подвесив ей колокольчики на шею. За ними шли молящиеся. Дед Степан, её муж, погиб под обвалом снега с крыши. Однажды приехали в Кляпово трое бандитов и, приставив к груди бабушки ружьё, вывели весь товар с магазина. Больше она не торговала. К тому времени у неё уже были накоплены кое-какие деньги, даже золотые. Через некоторое время бабушка снова вышла замуж за Семакина Василия. Был он намного моложе её, совершенно безграмотный, из всей грамоты знал только букву «С». Мы звали его дедко Вася. Говорили, что он украл бабушкины сбережения и неизвестно, где их истратил. Он то ли потерял, то ли проиграл в карты, то ли спрятал. Бабушка сильно ругалась, но приняла его обратно. А во время войны дед Вася спас от голодной смерти всю семью. Уходил куда-то ненадолго и принёс котомку муки, может, он обменял его на эти деньги. Во время войны бабушка умерла и через некоторое время дед Вася снова женился. У него родились дочь Соня и сын Борис. Жена из дома его выгнала, и он снова пришёл к нам. Я уже учился в Глазове на тракториста, когда он умер, отравившись хлорофосом. Ему не давали пенсию, и он не захотел жить «дармоедом».

У моего отца было 4-хклассное образование, до войны он работал председателем объединённого колхоза. Были объединены деревни Митино, Чаново, Кляпово, Чульчопи и Шаньгапи. Колхоз назывался «Работник». Уже было 4 детей: Юля, Вячеслав, Володя, Толя, который родился в 1941 году. Началась война. Отцу дали бронь как председателю колхоза, но потом всё равно отправили в трудовую армию в Ижевск на военный завод. Отец рассказывал: «Работали по 18 часов, кормили плохо». Был награждён орденом Трудового Красного знамени, многими медалями.

Из Ижевска пришёл домой пешком, шёл целую неделю. Приняли на работу в Понинскую среднюю школу завхозом. В 1953 году, осенью, умер в возрасте 45 лет. Нас осталось семеро детей, мне было 5 лет, сестре Наде – 3 года. Всех нас на ноги подняла мать одна, старшие сёстры и братья помогали младшим. Жили очень бедно. Ещё при бабушке убегали от коллективизации в лес, куда-то за Кам-Пызепский лесоучасток, где вырубали лес, выкорчевали пни, построили дома и жили несколько семей. Селение называлось Мочкан или Мочкам по названию речки Мочан и истока Камы. Сажали картошку, сеяли овёс, но всё замерзало, потому что не попадал ветер на поляну. На середине поляны был небольшой пруд, где рыбу ловили фартуками. Но пришлось оттуда уехать, побросав все дома и постройки. Может, и сейчас стоят эти дома где-то в тайге. Уехали в Новую деревню Карсовайского района, потом в деревню Новосёлы того же района. В Новосёлах родился Вячеслав. Оттуда приехали в Кляпово, к родителям матери, но там жила семья Анны и пришлось уехать в Митино. В Митино сначала жили в теплушке, затем купили в деревне Лукапи старый дом и перевезли его на лошадях в Митино. Дом построили на месте пекарни Данилы.

Во время гражданской войны матери было 9 лет, жила она в Кляпово. Мать много рассказывала о войне. Она не знала, кто был белый, кто красный. По улице скакала конница, стреляли, кричали «Ура!». Одни были с погонами, другие без погон. Прятались в подполе. Дома сидела гусиха на яйцах, зашли люди с погонами, свернули гусихе шею, сварили и съели. Увозили с собой молодых девушек. Некоторые из них не вернулись. Как – то искали отца матери, комбедовца, штыком кололи сено на сеновале, чуть не проткнули ногу, попали в каблук и ушли.

Убитых красноармейцев похоронили в общую могилу в деревне Кляпово, за первым домом слева, за огородами. Там была глубокая яма. Один убитый красноармеец был из деревни Почаш. Остальные были не местные.

Мать училась в школе один день, но читала и писала. Во время Отечественной войны работала в колхозе в Митино. После войны возила сливки из Понинского маслозавода в Глазов на лошади. Рассказывала, что на Глазовском волоке жили дезертиры, убежавшие с фронта. Позже их всех выловили. Один раз купила в Глазове сито, положила в котомку. На волоке из леса вышли дезертиры, наставили на неё ружьё и обыскали. Искали хлеб. Сито круглое как каравай хлеба, разломали и выкинули. Несколько раз видела пленных немцев. Они работали под охраной на расчистке леса. Увидев её, выходили навстречу, перепрягали лошадь, всё подтягивали, отправляли дальше. Ничего плохого не делали. После войны родились мы: Лена, я, Надя. Старшая сестра Юля работала учи-тельницей, Вячеслав в совхозе на откорме скота, Володя там же проработал комбайн-нёром 40 лет. Толя работал директором совхоза, его жена, Тамара Константиновна, зоотехником, Лена в садике – воспитателем, я – трактористом, комбайнёром -18 лет, 9 лет - кузнецом. Надя работала агрономом. Стаж работы всей нашей семьи в сельском хозяйстве составляет около 300 лет. Трое моих братьев уже умерли. Из братьев остался я один. Сёстры живут в разных городах: Юля – в республике Коми, Лена – в Рязани, Надя – в Ижевске.

Мои земляки

Кунаев Игнатий Петрович. Уходил на службу на 25 лет, но прослужил 15. Любил рассказывать нам: «Я был в чреве кита». Что он хотел этим сказать? Может быть, он служил на подводной лодке?

Кунаев Степан Александрович. Служил в лейбгвардии царя Николая II. Это старший брат Василия Александровича, конюха. Как-то в Митино пришли уполномоченные отбирать самогонные аппараты. Степан Александрович надел свою военную форму и вышел к ним. Уполномоченные дали честь и ушли.

Истории из жизни

Эту историю рассказал мне один мой знакомый из Глазова, назовём его Коля. В лихие 90-е он поступал в пединститут, но, то ли не сдал экзамен, то ли не прошёл по конкурсу или у него просили взятку, но не поступил. Решил встретиться с В.Познером и обсудить эту ситуацию на телевидении. Билет на поезд до Москвы он купить не смог, денег не хватило, и решил ехать зайцем. На какой-то станции его высадили, и он добирался до Москвы то пешком, то на попутных машинах. По дороге делал набеги на огороды местных жителей, ел ещё не убранную морковь и лук. Выпрашивал у жителей еду, лишь бы не умереть с голоду. Недели через две добрался до Москвы. Непонятно каким способом добрался до Останкино, но оттуда его выгнали, сказав, что Познер здесь не бывает. Тогда он нашёл какого-то корреспондента и договорился с ним, чтобы тот его снимал, как он завтра проведёт самосожжение на Красной площади. Договорились провести этот акт на Васильевском спуске. Вечером выпросил у таксиста пол-литра бензина. Ночь переспал в метро с бомжами, а наутро пошёл на Красную площадь. Корреспондент был уже там, налаживал съёмочную аппаратуру. Коля вытащил бутылку с бензином из кармана и начал отвинчивать пробку. В это время кто-то сзади схватил его за воротник и приподнял над землёй. Ноги болтались в воздухе. Коля оглянулся. Сзади стоял двухметровый детина и держал его за воротник. «Ты что тут делаешь?», - спросил он. «Да вот хочу почистить брюки», - ответил Коля. «Поедешь со мной», - сказал детина и повёл его в стоящий неподалёку УАЗик. Через несколько минут они шли по коридору какого-то здания. Завели его в кабинет. Так он попал к генеральному прокурору Ю.Скуратову. «Кто такой? Откуда?» Коля всё рассказал. «Какой он?»,- спрашивал я его. «Да нормальный человек, небольшого роста», - отвечал Коля. Скуратов вызвал конвоира, велел накормить Колю и отправить обратно в Глазов. «По прибытии явишься в милицию, расскажешь всё,

как было. А мы им сообщим». Коля приехал в Глазов и, не заходя домой, отправился в милицию. Было 11 октября. Опухший с похмелья майор встретил его. Коля начал рассказывать, кто он такой и откуда приехал. Никакой реакции. Он ещё раз объяснил. «Ну и что, что это ты? Иди, дуй домой!» Только потом Коля вспомнил, что 10 октября был день милиции, милиционерам неохота было с ним заниматься. Вот так и прошла его поездка в Москву к Познеру. Сейчас Коля работает сварщиком в одной из организаций г.Глазова.

В 50-х годах в деревне Кляпово жил дорожный мастер по фамилии то ли Галимов, то ли Галимзянов, звали его Костя. У него были длинные ноги и короткое туловище. Если он садился на землю, то согнутые колени его были выше головы. Видимо, поэтому его звали Кузь Костя, а некоторые Кузь Гали. Мы, дети, тоже звали его Кузь Гали. Ходил он очень быстро, вроде только выходит на улицу, смотришь, его уже нет, его спина уже мелькает около Понино. Мы, мелюзга, часто увязывались за ним, дразня его Кузь Гали, Кузь Гали. Он ни слова не говорил, молча, проходил мимо нас. Рассказывали, работал он очень быстро и красиво. За ним никто не мог угнаться в работе. Издалека заметив на дороге неровность, яму или бугорок, точно рассчитывал шаги, в четыре шага доходил до неровности, говоря при этом: «Эту, яму, надо, закопать!». При слове «закопать» он был уже в яме. Так же было и с бугорком. Все ёлки вдоль дороги от Понино до кладбища посажены им. Однажды, когда он проходил по нашей улице, мы подошли к нему совсем близко, уверенные, что ничего он с нами не сделает, дразня его Кузь Гали, Кузь Гали. Но он изловчился, поймал меня и моего друга за уши и до хруста скрутил их, приговаривая при этом: «Не надо меня дразнить!». С тех пор увидев его издалека, мы прятались в ограде и смотрели на него через щели, молча.

Когда я лечился в республиканской больнице, поздно вечером зимой привезли больного. Он был без сознания. Дежурный врач приказал медсёстрам немедленно взять у больного анализы. Анализ крови можно взять, а как взять у человека без сознания анализ мочи? А они взяли, сумели. В моче была кровь, и его сразу увезли в реанимацию. Привезли его обратно в палату уже недели через две без правой руки по плечо. Он нам рассказал, что с ним случилось. Был он родом из Граховского района, но давно жил в Ижевске, уехал из деревни сразу после армии. В Ижевске женился, родились две дочери, вышли замуж и жили отдельно. Жил он один, жена давно умерла, было ему больше 70 лет. Однажды вечером он сидел у окна и курил. Вдруг окурок упал за батарею отопления, он сунул руку туда, чтоб достать окурок и рука застряла. На батарее можно было яичницу жарить, такие были горячие. Хорошо ещё он был в пиджаке. Сначала руку жгло, а потом перестало, видимо, привык. Пытался дотянуться до телефона, но не дотягивался каких-то 20 сантиметров. Так он сидел около часа. Дочь шла по улице и видит, у отца горит свет, отец сидит за столом. Решила зайти. Звонит в дверь, но никто не открывает. Тогда она выходит на улицу, смотрит, отец машет рукой, чтоб зашла. Дочь поднимается на второй этаж, звонит, дверь снова никто не открывает. Тогда она догадалась, что с отцом что-то случилось. Она вызывает мужа, тот приезжает и выламывает дверь. Они заходят в квартиру и видят, отец зажат батареей. Они стараются оттянуть батарею, не получается. Вызывают скорую помощь, ему ставят обезболивающий укол. Стараются вчетвером оттянуть батарею, но не получается. Тогда вызывают МЧС. Приезжает служба МЧС, ничего не предпринимает для спасения и вызывает телевидение. Надо же всё заснять. Прошло ещё полчаса. Телевидение приезжает, его вытаскивают, всё это снимается на телекамеру. Рука уже ничего не чувствует и не действует. Старика увозят в больницу и ампутуют руку. Врачи сказали, если бы старика привезли на полчаса раньше, руку можно было спасти.

В совхозе «Понинский» работал трактористом Чупин Леонид по кличке Кок Лёня. От природы был он очень сильным. Обе руки его на запястьях были туго схвачены ремешками, от растяжения, как он говорил. Работал он на старом С-100. Во времена «сухого закона», в 85-90-ом годах, у него всегда можно было разжиться самогоном, но для этого надо было выдержать два испытания. Каждого, кто хотел выпить самогонки, он

ставил по стойке «смирно», снимал с головы шапку и кидал ему в грудь. Если человек падал или хотя бы делал шаг назад, самогон не получал. А шапка была сшита из овчины и весила килограммов пять. Если человек выдерживал это испытание, его ждало второе. В ограде у него лежала самодельная штанга, сделанная из кольчатых катков, которую надо было поднять над головой хотя бы один раз. Если испытание было выдержано, испытуемый допускался в дом и получал стакан самогона. Мне с ним довелось работать на запруживании пруда под деревней Ляпино. Когда мы приехали на место работы, он предложил сначала пообедать, чтобы потом уже не делать перерывов до вечера. Мы сели на поляну на обед. Из рюкзака он вытащил алюминиевую фляжку литра на два, полную супа, буханку хлеба, два яйца, кусок мяса, лук и бутылку молока. Все это он съел. Я за это время съел свой обед, два яйца и бутылку молока с куском хлеба. Потом он вытащил из прорехи в фуфайке вату и заткнул ими уши. Сказал, что не хочет слушать визг лебёдки, которая находилась сзади кабины и визжала при каждом подъёме и спускании ножа бульдозера. И началась работа. Прошёл и обед, и уже домой пора ехать. А он всё работает и работает. Я уехал в пять часов. Он ещё остался работать. Уже в девять часов вечера я вышел в огород покурить. Со стороны пруда всё ещё слышался визг лебёдки.

Недавно заходил подстричься в парикмахерскую. Через некоторое время зашел пожилой мужчина, примерно семидесяти лет, с длинными до плеч седыми волосами, бородатый. «Можно мне постричься?» – спросил он, заходя. «Можно, можно. Заходите, дедушка», приветливо встретили его в парикмахерской. «Раз в год я захожу в парикмахерскую. Бреюсь то каждый месяц, один раз, а подстригаюсь один раз в год» - продолжил посетитель. В парикмахерской засмеялись. Всем стало весело.

Настала очередь мужчины. Сел в кресло и сказал: «Меня наголо, под ноль, так сказать». « Сделаем под ноль» - ответил парикмахер. Через некоторое время в кресле сидел совсем другой человек. Лысый и побритый он не был похож на того небритого мужчину, который был до этого. «Через год я снова приду!». «Приходи, дедушка, приходи. В 2014 году приходи!». Когда посетитель ушел, вся парикмахерская хохотала. Некоторые хохотали до слез, никак не могли, остановится, передразнивая мужчину. «Через год я снова приду!». «Приходи, дедушка, в 2014 году приходи».

Мой сосед

Мой сосед, Кунаев Анатолий Прокопьевич, бывший фронтовик, купил инкубаторных гусят. Поскольку спешить ему было некуда, пенсионер, да и работать он кроме как гусят караулить, уже не мог, он взялся за их воспитание. Когда я проходил мимо него, на вопрос как идут дела, отвечал: «Да вот, гусят воспитываю». И так он их воспитал, что никуда не мог без них уйти. Куда бы он ни шел, гусята шли за ним следом. Если ему надо было идти в магазин, он шел по моему огороду таясь от гусят, прятался за углами, выглядывал, и, если гусят не было, торопливо бежал дальше! Но стоило гусятам его увидеть, с криком летели к нему. Приходилось Анатолию Прокопьевичу идти обратно домой. Не пойдешь же в магазин с гусями, засеют.

Однажды осенью, в конце сентября, он решил увести гусят на зерноток, в надежде, что они поедят там оставшееся зерно. Довел гусят до мельницы, напротив которой была заброшенная колонка. Самой колонки там уже не было, демонтирована, но чугунная крышка люка была приоткрыта. «Как бы сюда не упали гусята», - подумал он и решил закрыть крышку, но не успел. Один гусенок упал в колодец. В колодце была вода примерно по пояс, а надо сказать, на Анатолии Прокопьевиче были ватные штаны и сапоги. Гусенка он благополучно выкинул на волю. Теперь надо было выбираться самому. На бетонных кольцах колодца были вмонтированы скобы, наступая на которые можно было забраться наверх. Но не тут-то было. Уже на первой ступеньке кто-то задержал его за воротник. Тихонько обернувшись, он увидел, что из бетонного кольца торчит сломанная проволока, которая прицепилась за телогрейку и держит. Отогнув проволоку, он начал подниматься выше, но уже на втором кольце ступеньки закончились и туловище выставлялось только до подмышек, и сколько он не старался приподняться на руках, не

мог. Старый, силы уже не те, да и сапоги полные холодной воды и штаны ватные промокли насквозь. Решил спуститься обратно в колодец и снять сапоги. Снял сапоги и начал выкидывать их по одному наверх. Первый сапог выкинул удачно, а второй упал обратно в колодец и больно ударил его по голове. Но и без сапог он не сумел подняться наверх. Силы не хватило. «Всё! На войне не погиб, а тут погибну» – подумал он. Он озирался вокруг, в надежде кого-нибудь увидеть, но никого не было. Пришлось снять штаны и выкинуть наверх. Остался в одних кальсонах. Еле-еле поднялся до последней ступеньки и стал озираться вокруг. «Одному мне не подняться, надо хоть кого-нибудь позвать», - подумал он, - «должен же хоть кто-нибудь проходить на работу!». Метрах в ста от него показался человек. Анатолий Прокопьевич стал кричать, звать на помощь, но человек озирался и не увидел его. Вскоре он скрылся из виду. Еще примерно полчаса пришлось стоять ему в колодце по пояс в ледяной воде. Вскоре появился второй человек. Это был кладовщик. Он сразу направился к гусям, непорядок! Гуси на зернотоке, надо выгнать! И тут он увидел в колодце человека. «Ты что тут делаешь?» - спросил он. «Не видишь что-ли, колонку ремонтирую! Вытаскивай давай, пока я не умер!» Кладовщик еле вытянул его из колодца. Ни слова не говоря, Анатолий Прокопьевич забрал свои сапоги и штаны подмышку и пошел тихонько домой. «Вот с тех пор у меня начали ноги болеть» - рассказывал он мне. «Во время войны в окопе, в воде по колено стояли неделю, и ничего, обошлось. Завшивели только. А тут за какой-то час чуть не умер. Стар стал. Силы уже не те». Вот такую историю рассказал мне сосед